

Апполонов Алексей Валентинович

**ПОНЯТИЕ «RELIGIO» В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ, ПРАВОВОЙ И ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ОТ
РИМСКОЙ АНТИЧНОСТИ ДО РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Специальность: 09.00.14 — философия религии и религиоведение

Аннотация к диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Обсуждение вопросов, связанных с понятийным аппаратом той или иной научной дисциплины, необходимо является важным и актуальным предприятием с точки зрения (само)определения и функционирования этой дисциплины; соответственно, для религиоведения важными и актуальными являются дискуссии и исследования, затрагивающие проблемы, непосредственно или опосредованно связанные с содержанием понятия «религия», которое традиционно используется для концептуализации религиозных феноменов. Это относится, в том числе, к изучению исторической динамики интерпретаций понятия «religio» и его аналогов в новоевропейских языках в период от римской Античности до раннего Нового времени. Данная тема актуальна, во-первых, в свете текущей дискуссии о допустимости употребления термина «религия» в общественных и философских науках – дискуссии, начатой рядом исследователей (У. К. Смит, Э. Файль, Т. Асад и др.), которые на основании анализа исторических значений термина «religio» и его аналогов в новоевропейских языках пришли к выводу о том, что представление о некоей «религии» (понимаемой, например, как «система норм или верований» или как «историческая традиция, институализированная и воспринимаемая сторонним

наблюдателем»), равно как и сама религия появляются только в Новое время в Западной Европе. Этот вывод, в свою очередь, использовался (и используется) для поддержки тезиса о принципиальной непригодности понятийного аппарата научного религиоведения для описания каких-либо реалий вне «западной современности» и, соответственно, о необходимости исключения из научного обихода самого понятия «религия» как нерелевантного «нововременного конструкта». Таким образом, исследование исторической динамики интерпретаций понятия «religio» и его аналогов в новоевропейских языках оказывается важным с точки зрения оправдания самого существования религиоведения как научной дисциплины, обладающей собственным предметом, то есть религией. Довольно очевидно, что если религия – лишь «то, что выглядит наподобие современного протестантского христианства» (Б. Нонгбри), то религиоведение, насколько область его интересов выходит за пределы западной современности, исследует некие фикции (вероятно, им же сами и создаваемые), а не реальные явления, и, соответственно, не может считаться полноценной наукой; напротив, если нечто похожее на религию (например, на упомянутую выше «систему норм или верований») действительно существовало и до Нового времени, то религиоведение имеет право называться научной дисциплиной (по крайней мере, до тех пор, пока неадекватность его понятийного аппарата не будет должным образом показана на материале незападного происхождения, а не на основании анализа исторических значений понятия «religio» и его западных нововременных аналогов).

Во-вторых, исследование истории трактовок «religio» и его нововременных аналогов обладает актуальностью с точки зрения оценки и возможной ревизии некоторых используемых в современной науке определений религии и религиозных явлений – таких, которые генетически связаны с различными историческими концептуализациями религиозных феноменов, и, соответственно, имплицитно или эксплицитно включают исторически обусловленные смыслы и коннотации. Так, например, нередко

встречающаяся в современной литературе трактовка религии как веры (в сверхъестественное, в Бога или богов) обусловлена тем, что еще в эпоху поздней Античности христианские мыслители прочно (вплоть до тождества) связали *religio* и *fides* (веру). Соответственно, исследование истории понятия «*religio*» способствует выявлению границ валидности этой и других подобных трактовок, тем самым открывая возможности для новых подходов к концептуализации отдельных элементов понятийного аппарата религиоведения.

Наконец, в-третьих, изучение истории понятия «*religio*» является актуальным для исторических исследований, ведущихся в рамках религиоведения и философии религии. Углубление и обогащение наших знаний об эволюции как собственно понятия «*religio*», так и некоторых иных понятий, прямо или косвенно связанных с историческими формами концептуализации религии и религиозных феноменов, способствуют адекватному прочтению источников, а также вносят свой вклад в ряд острых современных исторических дискуссий – таких, как обсуждение континуальности / дискретности европейской интеллектуальной и религиозной истории или спор об исторически обусловленных формах связи и взаимодействия между различными типами мышления – религиозного (теологического), философского и научного.

Проблемы, относящиеся к теме истории и эволюции понятия «*religio*» неоднократно оказывались в поле внимания ученых, причем исследования, посвященные этим проблемам, более или менее исчерпывающим образом разделяются на две категории:

- 1) узкоспециальные конкретные исторические исследования, посвященные тому, как термин «*religio*» употреблялся в отдельные эпохи, в отдельных сферах духовной культуры и у отдельных авторов (как правило, сюда относятся работы, написанные до середины 60-х гг. XX в., а также более

поздние исследования (преимущественно антиковедческие), генетически связанные с этой, назовем ее так, «классической» традицией);

2) общеметодологические и общесоциологические исследования, в которых обращение к истории термина «*religio*» и его аналогов в новоевропейских языках происходит в контексте общих дискуссий а) о понятийном аппарате современных общественных наук и б) об общественно-политических (прежде всего, секуляризационных) процессах, происходивших и происходящих в западном мире (каковые процессы, как предполагают некоторые участники этих дискуссий, прямо или косвенно обусловлены формированием и утверждением понятийного аппарата современной науки, а также определенными изменениями в понятийных аппаратах философии, теологии и юриспруденции).

Для темы настоящего диссертационного исследования больший интерес представляют исследования второго типа¹, поскольку они обыкновенно претендуют на создание некоей завершенной картины эволюции понятия «*religio*» от Древнего Рима до Европы Нового времени и на выявление определенных процессов, которые, как предполагается, были причиной этой эволюции или сопровождали ее. Следует отметить, что хотя представители этой традиции (У. К. Смит, Э. Файль, Т. Асад, Б. Нонгбри и др.) могут существенно расходиться между собой в вопросах, касающихся эволюции значений термина «*religio*», тем не менее, в основе их творчества лежит некая фундаментальная общая интуиция, которую можно представить следующим образом. **Во-первых**, феномен, именуемый религией (под которой при этом обычно понимается некая особая сфера, изолированная от сферы политики,

¹ Среди наиболее важных исследований этой категории можно упомянуть следующие: *Smith W. C.* The Meaning and End of Religion. Minneapolis: Fortress Press, 1962; *Feil E.* Religio. Die Geschichte eines neuzeitlichen Grundbegriffs. Bände 1–4. Forschungen zur Kirchen- und Dogmengeschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1986–2012; *Asad T.* Genealogies of religion: discipline and reasons of power in Christianity and Islam. Baltimore, London: Johns Hopkins University Press, 1993; *McCutcheon R. T.* Manufacturing Religion: The Discourse on Sui Generis Religion and the Politics of Nostalgia. Oxford: Oxford University Press, 1997; *Fitzgerald T.* The Ideology of Religious Studies. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 2000; *Dubuisson D.* The Western Construction of Religion: Myths, Knowledge, and Ideology. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2003; *Nongbri B.* Before Religion. A History of a Modern Concept. New Haven and London: Yale University Press, 2013.

экономики, права и т.д.), возникает только в определенный момент в постреформационной Европе, а вплоть до этого момента говорить о некоей «религии» невозможно (и, вероятно, сегодня точно так же нельзя говорить о «религии» за пределами современного Запада); **во-вторых**, этот феномен возникает не в силу (взаимо)действия неких объективных общественных процессов, но в результате субъективных усилий определенного и весьма ограниченного круга лиц (философов, ученых, теологов и юристов), вольно или невольно разрушавших своим творчеством предшествующую «дорелигиозную» традицию (иначе говоря, религия является социальным конструктом); **в-третьих**, выявление этапов социального конструирования религии должно осуществляться через анализ употребления термина «religio» и его аналогов в разные исторические эпохи – постольку, поскольку предполагается, что «конструкторы религии» фабриковали ее через придание данному термину новых значений и изъятие старых.

Эту общую интуицию можно условно называть *конструктивистской гипотезой*. «Условно» – потому что какой-либо единой подобной гипотезы – как научной гипотезы со всеми необходимыми ее элементами – не существует. Тем не менее, дискурс, связанный с вышеописанной интуицией, несмотря на свою аморфность, вполне реален, обладает оригинальным генезисом и, как отмечает Ричард Краутер, «пользуется сегодня широким признанием»². Критическое рассмотрение и оценка релевантности конструктивистской гипотезы, как она была представлена выше, важны для формулирования и проверки альтернативной оригинальной авторской гипотезы, описывающей общий вектор и ключевые этапы истории интерпретаций понятия «religio» и его новоевропейских аналогов в западной философской, юридической и теологической мысли от II в. до н.э. до начала XVIII в. Соответственно, в ходе работы над настоящим диссертационным исследованием привлекались и критически анализировались отдельные идеи и концепции упомянутых выше

² Crouter R. Review: *Religion in History: The Word, the Idea, the Reality / La religion dans l'histoire: Le mot, l'idée, la réalité* by Michel Despland, Gérard Vallée // *The Journal of Religion*. 1994. Vol. 74. № 1. P. 132.

авторов-конструктивистов (результаты этого критического анализа суммируются в Заключении).

Что же касается исследований первого («классического») типа³, то они более или менее полно освещают вопросы, относящиеся к истории интерпретаций понятия «religio», если мы говорим о статике, то есть о том, какое значение данное понятие получило в определенный период или в определенном литературном памятнике (при этом «более» относится к дохристианской античной латинской традиции; «менее» — ко всем последующим). Однако если мы говорим о динамике, то есть рассматриваем именно эволюцию интерпретаций понятия «religio» и движущие силы этой эволюции, то нам следует признать наличие определенных лакун, которые еще только предстоит заполнить. В первую очередь сказанное относится к описанию динамики интерпретаций понятия «religio» при переходе от римского политеизма к христианскому эксклюзивистскому монотеизму; кроме того, следует отметить наличие определенных пробелов в исследованиях тех процессов, которые обусловили дальнейшие изменения в этой динамике в период после XIII в.

³ Среди наиболее важных исследований этой категории можно упомянуть следующие: *Warde-Fowler W.* The Latin History of the Word “Religio” / Transactions of the third international congress for the History of Religions. Vol. II. Oxford: Clarendon press, 1908. P. 169–175; *Kobbert M.* De verborum “Religio” atque “Religiosus” usu apud Romanos: quaestiones selectae. Regimonti: Hartungiana, 1910; *Otto W.* Religio und Superstitio // Archiv für Religionswissenschaft. 1909. Bd. 12. S. 532–554; 1911. Bd. 14. S. 406–422; *Muth R.* Römische religio // Serta philologica Aenipontana (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. Bd. 7–8). Innsbruck: Auslieferung durch das Sprachwissenschaftliche Institut der Leopold-Franzens-Universität, 1962. S. 247–271; *Heck E.* Der Begriff religio bei Thomas von Aquin. München: Verlag Ferdinand Schöningh, 1971; *Dumézil G.* La religion romaine archaïque. Paris: Payot, 1974; *Biller P.* Words and the Medieval Notion of “Religion” // Journal of Ecclesiastical History 1985. Issue 3. Vol. 36. P. 351–369; *Petersmann H.* Eusébeia, Threskeía and religio: an ethymological analysis of three disputed terms // Linguistica. 1993. № 1. Vol. 33. P. 177–186; *Rüpke J.* Römische Religion und “Reichsreligion”: Begriffsgeschichtliche und methodische Bemerkungen // Römische Reichsreligion und Provinzialreligion / hg. v. H. Cancik, J. Rüpke. Tübingen, 1997. S. 3–23; *idem.* Religio and Religiones in Roman Thinking // Les Études Classiques. 2007. Vol. 75. P. 67–78; *Scheid J.* Religion et piété dans la Rome antique. Paris: Éditions Albin Michel, 2001; *Sachot M.* “Religio / superstitio”. Historique d’une subversion et d’un retournement. Revue de l’histoire des religions. 1991. № 4. T. 208. P. 355–394; *idem.* Origine et trajectoire d’un mot: religion // Revue de Philosophie Ancienne. 2003. № 2. Vol. 21. P. 3–32; *Chen J.* On the definition of religion in Hobbes’ leviathan // Bijdragen. 2006. Vol. 67 (2). P. 180–194; *Staudt R. J.* Religion as a virtue: Thomas Aquinas on worship through justice, law, and charity. Ave Maria University, 2009. Diss.; *Leinkauf T.* The concept of religion in early modern philosophy // Problemata: revista internacional de filosofia. 2014. № 1. Vol. 5. P. 160–181.

Помимо этого, как представляется, все еще не получили должного освещения следующие частные темы: 1) тема корреляции между изменениями в трактовке «*religio*» и изменениями в трактовке священного (понимаемого в соответствии с идеями Э. Дюркгейма как «запретное и отделенное»); 2) тема естественности *religio* как исходной точки римского философского (стоического по своему происхождению) дискурса о религии, а также влияния римского (цицероновского) натурализма в трактовке религии на средневековую традицию; 3) тема генезиса трактовки «*religio*» как особой добродетели в перспективе ее субъективно-объективной диалектики; 4) тема связи понятия «*religio*» с понятиями «*secta*», «*lex*» и «*fides*»; 5) тема генетической связи ренессансных и нововременных интерпретаций термина «*religio*» и его аналогов с трактовками, характерными для предшествующих эпох; 6) тема корреляции между частотой использования термина «*religio*» (и его новоевропейских аналогов) в значении «религия» и ситуацией наличия / отсутствия религиозного плюрализма (или, по меньшей мере, активных и постоянных культурных контактов с иноверческими традициями). Настоящее диссертационное исследование должно по мере возможности осветить эти темы.

Цель исследования – комплексная реконструкция исторической динамики интерпретаций понятия «*religio*» и его новоевропейских аналогов в западноевропейской философской, правовой и теологической мысли от II в. до н.э. до начала XVIII в.

Объект диссертационного исследования – понятие «*religio*» и его новоевропейские аналоги.

Предмет диссертационного исследования – историческая динамика интерпретаций понятия «*religio*» и его новоевропейских аналогов в западной философской, правовой и теологической мысли в период от II в. до н.э. до начала XVIII в.

Хронологические рамки диссертационного исследования определены характером текущих дискуссий о понятийном аппарате религиоведения, а конкретнее – тем обстоятельством, что многие сторонники конструктивистской гипотезы трактуют период XVI–XVII вв. как эпоху, когда в интерпретациях понятия «*religio*» и его новоевропейских аналогов произошли радикальные изменения, связанные с возникновением некоего «современного» представления о религии как об особой сфере, идеально изолированной от сферы политики, права, экономики и т.д. Критическая оценка этого тезиса является одной из основных задач настоящей работы, наряду с демонстрацией того, что интерпретации понятия «*religio*» и его аналогов в период XVI–XVII вв. были, напротив, довольно близки к традиционным трактовкам, восходящим еще к римской Античности. Для достижения ясности в означенных вопросах потребуется выявить основные значения термина «*religio*»; провести классификацию этих значений (с привлечением концепции М. Кобберта о субъективно-объективной диалектике *religio* как потенциально адекватной для решения данной задачи); определить возможные причины изменения значений термина «*religio*» в исторической перспективе (в том числе, в контексте рассмотрения изменений в трактовках священного – постольку, поскольку феномены, определяемые как религиозные, традиционно связываются со священными силами и объектами); выяснить, имел ли термин «*religio*» значение «религия»⁴ до Нового времени, и если имел, то насколько эта «религия» отличается от

⁴ Общепринятого определения религии не существует; более того, если говорить о сущностном определении (классическом аристотелевском родо-видовом определении, *definitio per genus et differentiam specificam*), то имеются большие сомнения, что таковое в принципе возможно. Тем не менее, некие иные варианты определения религии (например, функциональное или структурно-функциональное) могут существовать, существуют и довольно широко используются. В настоящем диссертационном исследовании я, говоря о религии, ориентируюсь на определение, которое было предложено Д. Ривсом: религия предполагает (включает) «представления о некоей сверхчеловеческой силе, почитание этой силы, желание услужить ей и жить с ней в гармонии, что выражается в определенных верованиях, нормах и действиях» (*Rives J. B. Religion in the Roman Empire. Oxford: Blackwell Publishing, 2007. P. 4*). Это определение уместно для настоящего диссертационного исследования еще и в контексте критики конструктивистской гипотезы, поскольку ее сторонники либо отрицают, что представления о какой-либо подобной религии могли существовать до Нового времени (У. К. Смит и др.), либо же утверждают, что в Новое время так (или почти так) понимаемая религия претерпела фундаментальные изменения, выделившись в особую сферу, идеально изолированную от экономики, политики и т.д., благодаря чему превратилась в «современную религию» (Т. Асад и др.).

«религии», представленной в сочинениях классиков новоевропейской мысли; установить, могли ли в период до Нового времени использоваться в значении «религия» некоторые другие понятия (такие как «lex», «fides» или «secta») и в каком отношении они находились при этом с термином «religio»; выявить возможные истоки идеи о религиозной природе человека (постольку, поскольку эта идея имеет непосредственное отношение к концепциям «общей религии» и «естественной религии», каковые концепции, в свою очередь, нередко трактуются как нововременные конструкты).

Выбор философии, теологии и юриспруденции как трех основных областей исследования обусловлен тем, что именно к этим областям относится подавляющее большинство дошедших до нас литературных памятников, в которых затрагивается тема «religio», а также тем, что в некоторых случаях мы можем отследить влияние одной из этих сферы на другую, что представляет научный интерес как само по себе, так и в контексте выявления общих векторов развития исторической динамики интерпретаций понятия «religio» и его новоевропейских аналогов.

Поскольку в Западной Европе латинский язык вплоть до XVIII в. был основным языком философии, теологии и юриспруденции, постольку в большей части настоящего диссертационного исследования речь идет именно о понятии «religio». Однако в силу того, что начиная как минимум с XIV в. в означенных областях стали постепенно входить в употребление национальные языки, в работе упоминаются также и новоевропейские (в частности, итальянский и английский) аналоги названного понятия. При этом под собственно «понятием» в выражении «понятие “religio”» подразумевается «форма (вид) мысли... являющийся результатом обобщения предметов некоторого класса»⁵. Далее, в выражении «термин “religio”», которое также используется в настоящем диссертационном исследовании, под «термином»

⁵ Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М.: Издательство МГУ, 1989. С. 91. См. также: Шмидт В. В. О знаке и символе в религии и обществе в аспектах межинституционального диалога // Религиоведение. 2011. № 3. С. 69–74.

подразумевается слово как знак, используемый для обозначения соответствующего понятия. В соответствии с нормами правописания, понятия и термины, включая «religio», выделяются кавычками; в случаях, когда речь идет о предметах и феноменах, концептуализируемых в понятиях, кавычки не используются.

Содержание диссертационного исследования обусловлено описанными выше целями и задачами и имеет следующий вид.

В **первой главе** «“Religio” и “religiosum” как слова естественного языка и понятия римского божественного права» осуществляется исследование первичных значений слова «religio» в латинском языке и понятия «religio» в латинской дохристианской правовой традиции. При этом в **первом параграфе** «Первичные значения “religio” и диалектика священного» устанавливается, что первичные значения «religio» формируют своеобразную диалектику, которую можно описать также как диалектику священного: с одной (объективной) стороны, «religio» соотносится со священными силами и объектами (в том числе, маркируя связанные с ними запреты и табу), а с другой (субъективной) стороны, «religio» означает чувство страха и беспокойства, которое порождается этими объектами и силами и находит свое выражение, помимо прочего, в упомянутых запретах и табу. Во **втором параграфе** «“Контроль над священным” и изменения в трактовке “religio”», во-первых, в свете результатов, полученных в предыдущем параграфе, рассматривается характерное для римской юридической традиции деление божественного права на три сферы («sacrum», «sanctum», и «religiosum»). Во-вторых, исследуются изменения в значениях слова «religio», которые происходили в ходе установления государством «контроля над священным», то есть по мере институционализации римской религии. Делается вывод, что в результате этих изменений слово «religio» в своем субъективном аспекте стало обозначать

набожность и благочестие, а в своем объективном аспекте – религиозный культ.

Во второй главе «Понятие “*religio*” в свете дохристианской философской рефлексии» рассматривается вопрос о том, как трактовали понятие «*religio*» римские философы дохристианской эпохи. При этом в **первом параграфе** «Натурализм в трактовке “*religio*”» рассматривается интерпретация понятия «*religio*» в творчестве Марка Туллия Цицерона. Показывается, во-первых, что римский философ стоит у истоков традиции трактовки *religio* как особой нравственной добродетели, связанной с «воздаянием должного» Богу или богам. Во-вторых, показывается, что он сформировал дискурс о социальных функциях *religio*, рассматриваемой в ее объективном аспекте, то есть в аспекте объективации означенной добродетели в организованном культе. Отмечается, что подход Цицерона был инспирирован натурализмом стоического типа, и что благодаря ему этот натурализм стал исключительно важным элементом западноевропейского дискурса о *religio*. Во **втором параграфе** «Универсализация “*religio*”» на примере творчества Тита Лукреция Кара рассматривается формирование дискурса о *religio* как о некоем универсальном феномене, наблюдаемом «на всем протяжении земли». Отмечается, что универсалистская концепция *religio*, предложенная Лукрецием, является своего рода эксплицитным дополнением к тем универсалистским тенденциям, которые практически в то же самое время, но не столь эксплицитно, проявлялись в натуралистических трактовках *religio*, предложенных Цицероном.

В третьей главе «Формирование христианской интерпретации понятия “*religio*”» рассматривается вопрос о новшествах в трактовке понятия «*religio*», предложенных христианскими апологетами и Отцам Церкви. При этом в **первом параграфе** «Ранние попытки концептуализации религиозных традиций» описывается употребление понятия «*religio*» и понятия «*secta*» в творчестве Квинта Септимия Флорента Тертуллиана. Указывается, что эти

понятия используются Тертуллианом для концептуализации религиозных традиций (например, «римской религии», «религии иудеев», «секты Христа» и др.), причем данная концептуализация (и в этом заключается новизна подхода Тертуллиана) осуществляется главным образом благодаря противопоставлению христианства иным религиям. При этом, с другой стороны, отмечается также, что уже у Тертуллиана проявляется эксклюзивистский характер христианского монотеизма, имплицитно предполагающий трактовку нехристианских религий не как религий, но как «суеверий» и, соответственно, формируется дихотомия «единственная истинная религия – суеверие». Во **втором параграфе** «Догматический (интеллектуальный) аспект “religio”» описывается включение в понятие «religio» догматического (интеллектуального) аспекта («мудрости»), осуществленное Луцием Цецилием Фирмианом Лактанцием. Показывается, что благодаря ему возникает традиция рассматривать (по крайней мере, некоторые) религии не только как практики, но и как доктрины, содержащие определенный набор вероучительных положений. Кроме того, отмечается что Лактанций, развивая идеи Цицерона, сделал особый акцент на религиозной природе человека, утверждая, что люди отличаются от животных преимущественно за счет наличия у них *religio*. В **третьем параграфе** «“Religio” и теологические добродетели» на материале творчества Аврелия Августина рассматривается проблема соотнесения понятия «religio» с христианскими теологическими добродетелями – верой, надеждой и любовью. Показывается, что благодаря Августину христианство как «истинная религия» стала прочно связываться, с одной стороны, с верой (*fides*) как содержанием христианского вероучения, а с другой – с особыми этическими практиками, характеризующимися как христианская любовь (*caritas*).

В **четвертой главе** «Понятие “religio” в средневековой схоластической традиции» рассматриваются новые тенденции в интерпретации понятия «religio», сформировавшиеся в эпоху Средневековья в рамках схоластической теологии. При этом в **первом параграфе** «Формирование проблемного поля

схоластических дискуссий о “*religio*”» рассматривается рецепция святоотеческих трактовок «*religio*» в творчестве средневековых западных мыслителей и становление трех основных направлений в трактовке этого понятия. Кроме того, особо отмечается тенденция к сближению, а затем и к отождествлению *religio* и *lex* (закона). Во **втором параграфе** «Теоретическая феноменология “*religio*”» рассматривается учение Фомы Аквинского, в рамках которого *religio* в своем субъективном аспекте связывается с «естественным инстинктом» (под которым понимается природное стремление человека поклоняться Высшему Существо, зависимость от которого он постоянно ощущает), а в своем объективном аспекте трактуется как культ, в котором реализуется этот «естественный инстинкт», и который формируется специфическими культовыми действиями (жертвоприношение, молитва и т.д.), равно как и учреждением особых мест для поклонения, изготовлением и использованием предметов культа и т.д. В **третьем параграфе** «Сравнительные исследования религиозных традиций: “*religiones*”, “*leges*”, “*sectae*”» описывается переход от характерной для святоотеческой мысли дихотомии «единственная истинная религия – суеверие» к признанию множественности *religiones* (религий), *sectae* (сект) или *leges* (законов), которые можно (и иногда нужно) сравнивать между собой. Отмечается, что причиной означенного перехода была экспансия западноевропейской цивилизации на Восток и общее расширение интеллектуального и культурного горизонта европейцев, а также возникшая в этой связи необходимость полемики с нехристианскими религиозными традициями, подразумевавшая, в том числе их углубленное изучение. При этом нехристианские религии, разумеется, обычно не рассматривались как истинные, однако они могли трактоваться как результат искажения истинного естественного закона, который так или иначе сохранял в них свое присутствие.

В **пятой главе** «Понятие “*religio*” в эпоху Возрождения и раннего Нового времени» рассматриваются следующие смежные проблемы: 1) как происходила концептуализация религиозных феноменов в период XV – XVII

вв.; 2) какую роль в этом играло понятие «religio» или его аналоги в новоевропейских языках; 3) насколько значения этого понятия изменились сравнительно с периодами, описанными в предшествующих главах. Параллельно осуществляется критический анализ конструктивистской гипотезы – постольку, поскольку сторонники данной гипотезы утверждают, что в Новое время произошли некие радикальные (сравнительно с предшествующими эпохами) изменения в способах концептуализации религиозных явлений, отразившие (или даже обусловившие) возникновение «современной (нововременной) религии» как области, идеально изолированной от политики, экономики, права и т.д. В **первом параграфе** «Понятия “religio communis” и “religio naturalis”» на материалах работ Марсилио Фичино, Томмазо Кампанеллы, Эдуарда Герберта из Чербери, Мэтью Тиндала и Соломона ван Тиля рассматриваются концепции общей религии и естественной религии, которые формировались преимущественно в рамках философской (естественной) теологии. Показывается, что у названных авторов не обнаруживается принципиально новых трактовок понятия «religio» или его аналогов, равно как и идей, позволяющих сделать вывод, что они конструировали некую особую религиозную сферу, «идеально изолированную» от сфер политики, права, экономики и т.д. Во **втором параграфе** «Понятие “religio” в контексте общественно-политической мысли раннего Нового времени» на материале работ Гуго Гроция, Бенедикта Спинозы, Томаса Гоббса и Джона Локка рассматриваются концепции религии, сформулированные в широком общественно-политическом контексте. При этом показывается, что в сочинениях означенных авторов не обнаруживается принципиально новых трактовок понятия «religio» или его аналогов, равно как и свидетельств конструирования некоей особой сферы «современной религии».

В **Заключении**, во-первых, подводятся итоги критического анализа конструктивистской гипотезы. Сначала в девяти конкретных тезисах отдельных представителей конструктивистской традиции (таких, как

У. К. Смит, Т. Асад, У. Кавано, Э. Файль и др.) детализируются лежащие в основе этой гипотезы фундаментальные интуиции, как они были представлены выше (стр. 4–5). После этого на основании результатов, полученных в 1–5 главах настоящего диссертационного исследования, демонстрируется, что эти тезисы и, соответственно, конструктивистская гипотеза в ее базовых положениях не подтверждаются анализом исторических источников.

Во-вторых, по результатам проведенного исследования формулируется оригинальная авторская гипотеза, в рамках которой предлагается альтернативное конструктивизму описание общих векторов и ключевых пунктов исторической динамики интерпретаций понятия «*religio*», а также причин, обуславливавших изменения этих интерпретаций. В соответствии с этой гипотезой общий вектор и ключевые пункты эволюции интерпретаций *субъективного* значения «*religio*» можно представить так: «(священный) страх» → «благоговение», «почитание» → «добродетель»; с другой стороны, общий вектор и ключевые пункты эволюции интерпретаций *объективного* значения «*religio*» можно представить следующим рядом: «культ отдельных божеств» → «религия» (1) → «единственная истинная религия» → «религия» (2), где «религия» (1) отличается от «религии» (2) наличием во второй особого интеллектуального измерения, приобретенного благодаря воздействию христианской теологии. В свою очередь, изменения значений в соответствии с первым («субъективным») вектором обуславливали: для «благоговения», «почитания» – установление «контроля над священным», а для «добродетели» (в эпоху Цицерона) – адаптация греческой (стоической) этики; с другой стороны, изменения значений в соответствии со вторым («объективным») вектором обуславливали: для «религии» (1) – философская рефлексия универалистского типа (стоицизм, эпикурейство) в сочетании с ситуацией религиозного плюрализма; для «единственной истинной религии» – отсутствие ситуации религиозного плюрализма в эпоху доминирования христианского средневекового эксклюзивизма; для «религии» (2) – активные

культурные контакты с иноверческими традициями (позже – наличие ситуации религиозного плюрализма) в сочетании с последовательным усвоением и адаптацией античной (и арабоязычной) философской и научной традиций. Кроме того, можно отметить два дополнительных возможных вектора исторической динамики интерпретаций «*religio*», первый из которых относится к различным аспектам функционирования религии (смещение внимания с социальной роли религии на догматику и обратно), а второй – к генезису концепции естественной религии.

По итогам проведенного исследования на защиту **выносятся следующие положения:**

1) Первичные (архаические) значения латинского слова «*religio*» формировали своеобразную диалектику, которую можно описать как диалектику священного (понимаемого в соответствии с идеями Э. Дюркгейма как «запретное и отделенное»), включающую два аспекта: субъективный (*religio* как чувство страха перед священными объектами и силами) и объективный (*religio* как сами эти священные объекты и силы, а также запреты, к ним относящиеся).

2) Институционализация государственной римской религии обусловила изменения в отношении к священному и соответствующие изменения в трактовке «*religio*». Теперь в своем субъективном аспекте «*religio*» стало обозначать набожность и благочестие, а также (на уровне философской рефлексии) добродетель, особый вид справедливости, связанный с воздаянием должного богам. Сходным образом, в своем объективном аспекте «*religio*» приобрело значение «культ» и «культовые практики».

3) Диалектика *religio* как диалектика священного оставалась главным инструментом концептуализации и интерпретации религиозных феноменов на

протяжении всех Средних веков и обнаруживается даже у некоторых мыслителей Нового времени (Т. Гоббс).

4) Термин «*religio*» приобретает значение «религия», во-первых, благодаря объединению в понятие «римская религия» («*religio Romana*») разнообразных римских *religiones*, то есть отдельных культов и религиозных практик; во-вторых, благодаря философской рефлексии по поводу сходства религиозных феноменов у различных народов (понятие «религия» у Тита Лукреция Кара); в-третьих, в ходе противопоставления одних религиозных традиций другим (например, противопоставления христианства язычеству у Отцов Церкви).

5) В христианской традиции понятие «*religio*» в значении «религия» приобрело устойчивую (вплоть до тождества) связь с понятиями «*fides*» («вера») и «*lex*» («закон»). При этом понятие «вера» обычно репрезентировало догматический и содержательный («теоретический») аспект религии, а понятие «закон» – ее нормативно-правовой («практический») аспект.

6) Возникшая в XIII в. томистская феноменология «*religio*», включая в себя элементы восходящей к Цицерону натуралистической интерпретации религиозных феноменов (в частности, трактовку «*religio*» как *естественной* добродетели и концепцию «естественного инстинкта», который ведет человека к поклонению Высшему Существо), стала одним из основных источников более поздних концепций общей религии (*religio communis*) и естественной религии (*religio naturalis*).

7) Частота употребления термина «*religio*» в значении «религия» коррелирует с ситуацией наличия / отсутствия религиозного плюрализма (или, по меньшей мере, активных и постоянных культурных контактов с иноверческими традициями) и в общем приближении может быть представлена следующим образом:

а) относительно частое употребление в условиях политеизма Античности, предполагавшего множественность *religiones*;

б) крайне редкое употребление в условиях монотеистического эксклюзивизма раннего Средневековья;

в) относительно частое употребление в эпоху позднего Средневековья, связанное с расширением культурных контактов европейцев;

г) частое употребление в постреформационную эпоху, соответствующее вновь возникшей ситуации религиозного плюрализма.

8) Анализ исторических источников не подтверждает основные положения конструктивистской гипотезы: историческая динамика интерпретаций понятия «*religio*» и его аналогов в новоевропейских языках имела иной вектор и иное содержание, нежели те, о которых говорят и пишут ее сторонники.

